

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д.э.н.

ПАДЕНИЕ В СМУТУ: ОПАСЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

Введение

Общественный консенсус

Реформы в России до сих пор идут на основе либерального проекта. Уже к середине 90-х он решил мелкие проблемы, которые мог решить, и полностью исчерпал себя. Продолжая реализовывать доказавший свою безнадежность либеральный проект, руководство России обрекает на уничтожение не только страну, но и себя как элиту.

Никакого современного проекта, решающего игнорируемые или усугубляемые либерализмом и потому всё более значимые проблемы, так и не создано.

Причина – отсутствие во власти заинтересованной силы. Либеральный проект разрабатывался преимущественно Западом как инструмент реализации своих, в том числе и текущих коммерческих интересов (Гайдар, Чубайс и Ясин – просто исполнители). Модернизация же России ни одной влиятельной силе не нужна (в том числе и правящей бюрократии, все силы которой уходят на “освоение” нефтедолларов).

Отсутствие современного проекта делает бессмысленным и укрепление страны: оно создаёт предпосылки для решения насущных задач, в первую очередь, модернизации при отсутствии инструментов и даже представлений о способах решения этих задач, а часто и о самих этих задачах.

Смысл либерального проекта – подчинение страны интересам крупнейшего бизнеса и преобразование её в соответствии с этими интересами.

Так как интересы общества в целом, как минимум, не полностью совпадают с интересами бизнеса, реализация этого проекта быстро начала противоречить им. Так, интересы социальных групп, не связанных с управлением или получением доходов от бизнеса, ущемляются или, в лучшем случае, игнорируются. Поскольку в России наиболее влиятельны экспортёры сырья, для которых оплата труда – не создание рынка сбыта, а издержки в чистом виде, ущемление наёмных работников (то есть большинства) становится чрезмерным, разрушающим общество.

Крупный бизнес обладает качественно большими ресурсами, чем мелкий и средний. В условиях принципиального отрицания либералами творческой роли государства в силу естественной логики конкуренции это разворачивает либеральный проект против мелкого и среднего бизнеса.

По аналогичным причинам – так как глобальный капитал сильнее национального – последовательные либералы приходят к отрицанию и национальных интересов.

Начавшись в качестве общенационального, направленного на достижение свободы и благосостояния за счёт массовой частной инициативы, либеральный проект закономерно выродился в откровенно враждебный обществу проект крупного бизнеса с преобладанием иностранных интересов. Новаторство Путина состоит всего лишь в создании и выводе на авансцену истории силовой олигархии.

Этот проект разрушает общество, вызывает рост внутренней напряженности и враждебность к государству.

Реагируя на парадоксальный при “процветании” рост неблагополучия, государство пытается самоукрепиться. Но оно – лишь выразитель совокупных общественных интересов и может быть успешным лишь в той степени, в которой оно соответствует этим интересам. Попытки укрепления власти, пока они идут в рамках не просто отжившего, но и принципиально враждебного и обществу, и государству (как выразителю интересов этого общества) либерального проекта, будут вести к прямо противоположным результатам.

Чтобы быть успешным, государство должно действовать в соответствии со своей природой: в интересах общества. Сейчас это означает разработку нового, нелиберального национального проекта, направленного на обеспечение интересов всех его слоёв, ущемлённых либералами, – то есть всех, кроме силовой олигархии и транснациональных корпораций.

Порочность либерального проекта заключается в том, что он обеспечивает выживание в глобальной конкуренции не всего общества, но лишь его разрозненных фрагментов (в основном сырьевых), не встречающих конкуренции в мировом хозяйстве и потому вписываемых им в себя автоматически, без их, бенефициаров, усилий. Выживая за счёт уничтожения своего общества, эти бенефициары, топ-менеджеры и владельцы крупнейших сырьевых корпораций, считают себя частью “мирового сообщества”, “человеческой цивилизации”, “Запада”.

Модернизационный проект должен стать ответом остального российского общества, лишённого либералами будущего и приговорённого им к смерти.

Замена либеральному проекту может быть лишь социальной, патриотической и демократической.

Его основа – возврат к целостному видению России как единого субъекта глобальной конкуренции, корпорации особого типа, развивающей не только производство, но и нужный ему человеческий капитал с необходимой тому социальной средой. Основные социальные группы должны рассматриваться как равнозначимые; идея общего развития за счёт подавления некоторых из них должна отвергаться как разрушающая общество.

Настрой модернизационного проекта – “возвращение к здравому смыслу”, излечение России под лозунгом “от реформ к нормальности”.

Цель преобразования общества – его конкурентоспособность при ужесточении глобальной конкуренции. Нужна чёткая “сверхзадача” этого преобразования, определяющая новую позитивную роль России для всего человечества (ибо мы не способны развиваться без “сверхзадачи”). Надо заменить предельно эгоистичный и потому разрушительный американский порядок новым русским порядком, обеспечивающим мирное и свободное развитие различных цивилизаций.

Путь к этому – восстановление и наращивание на качественно новой технологической базе всех компонентов национального капитала: человеческого, технологического, материального, финансового.

Для решения общенациональных задач надо восстановить единство нации. Но образы действия и краткосрочные интересы её основных элементов – бизнеса и населения – различны.

Бизнес стремится к эффективности – к концентрации благ у успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется либерализмом.

Население же стремится к справедливости – к равномерному распределению благ. Его идеология – социализм.

Государство обеспечивает гармонизацию этих интересов ради долгосрочного успеха всего общества. Решение обществом различных задач на разных этапах его развития требует различных пропорций между эффективностью и справедливостью, между либерализмом и социализмом. Соответственно сменяются и стоящие у власти политические силы.

Общий принцип гармонизации интересов бизнеса и населения прост. Во внешнем мире государство должно реализовывать интересы бизнеса как

более активного элемента, поддерживая и частично направляя его экспансию. Внутри же общества оно должно поддерживать население – ведь расколотое общество неконкурентоспособно.

Пример ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения – во внутренней – отношение государств к собственности на нефтяные компании. При добыче на своей территории добывающие компании для удовлетворения интересов населения находятся в государственной собственности (даже в далекой от социализма Норвегии), при добыче на чужой территории для эффективности экспансии – в частной.

Издержки бизнеса окупаются эффективностью государства, дающей стабильность внутри страны и поддерживающей внешнюю экспансию бизнеса, которая с лихвой компенсирует потери от внутренних ограничений.

Изложенное означает возможность успешного развития лишь немногих стран. Ведь внешнюю экспансию – это условие внутренней гармонии общества – не смогут вести все страны: кто-то неминуемо будет её объектом, который (как современная Россия) не только лишён возможности гармонизации интересов бизнеса и населения описанным способом, но и сталкивается с новыми проблемами, порождаемыми внешней экспансией.

Доступный для такой страны способ гармонизации общества – объединение усилий населения и бизнеса против внешней экспансии ради направления ресурсов страны на её развитие, то есть развязывание национально-освободительной экономической “войны”. Конечно, её необходимость не отменяет необходимости внешней экспансии национального бизнеса.

Но для этого власть должна принять и реализовать выработанный нашим обществом политический консенсус.

Более десятилетия назад российский народ стихийно осуществил синтез ценностей, сплавив до того враждебно противостоящие друг другу патриотические, социальные и демократические ценности в единое мировоззрение. Чтобы овладеть историей, овладеть государством, надо всего лишь артикулировать эти ценности, подразумевающие одна другую, выразить их языком сначала пропаганды, а потом политики.

Искренний демократ видит, что презрение к своей стране недостойно свободного человека, делает невозможной демократию и открывает дорогу диктатуре. Свобода же людей делает страну по-настоящему великой. Значит, подлинно демократические ценности неотделимы от патриотизма.

Только благосостояние масс позволяет им пользоваться свободой. Демократия бедных – лишь прелюдия к диктатуре. Значит, подлинно демократические ценности подразумевают и ценности социальные.

Носитель социальных ценностей – поневоле патриот, ибо только сильная страна имеет средства для социального развития, а благосостояние без сильной страны – чужая добыча.

Близки для него и подлинно демократические ценности, ибо именно демократия позволяет гражданам защищать свои интересы. Бесправие масс делает их нищими.

Наконец, патриот разделяет и социальные ценности, ибо благосостояние для всех – именно то, чем всегда будут гордиться и что всегда будут защищать граждане своей страны.

Сегодня лишь внутренне свободные люди могут побеждать в глобальной конкуренции и обеспечивать величие Родины. Поэтому патриот объективно демократичен.

Это наши ценности: они неистребимы.

Поскольку основная часть нашего общества по-прежнему искусственно удерживается в кошмарной бедности, в сложившемся синтезе ценностей естественным образом доминируют ценности социальные. В то же время активная роль интеллигенции и важность связей с развитыми странами поддерживают демократизм, выводя на первый план лозунг свободы наряду с требованием справедливости (во многом этому способствует и латентный характер русского патриотизма). В этом нет ничего плохого, если понимать свободу в русском, а не в западном смысле этого слова.

Не стоит забывать, что вплоть до президентства Картера США считали демократов и борцов за свободу иных стран своими внешними врагами, опираясь на самых отъявленных диктаторов, а не только пропагандистским, но и реальным защитником свободы и демократии в мире был Советский Союз.

Мы должны вернуть себе лозунг свободы, отобрав его у наших идейных противников, как более ста лет назад большевики отобрали у монархистов название газеты “Правда”.

А если вспомнить, что реальную, подлинную свободу даёт только избыток инфраструктуры, только технологии, то мы получим то самое соединение социальных, демократических и патриотических ценностей, которое всё менее робко называют “технологическим социализмом”.

Не будем забывать, что Путин пришёл к власти, а “Единство” обрело популярность не только из-за административного ресурса, но и во многом потому, что в конце 1999-го и самом начале 2000-х годов они нащупали этот синтез и стали его выражать. Ведь национальную идею, пусть и в негативной форме, первым выразил именно Путин. “Мочить в сортире”, “кто нас обидит, три дня не проживёт” — это было и остаётся выражение того, что чувствуем все мы и к чему все мы вместе стремимся.

Другое дело, что стремительно построенный коррупционный строй отказался от этого мироощущения, как от безусловно враждебного себе. И он не смог выразить свою позитивную программу — просто потому, что в целях такого рода невозможно признаваться даже самому себе; где уж заявлять о них открыто!

Именно в этой невозможности назвать цели коррупционной государственности, несовместимой с выживанием нашей Родины, и заключается, насколько можно судить, причина тотальной лжи, которой заливают страну официальная пропаганда и от которой уже давно тошнит всю Россию.

Именно в этом причина того, что политике в нашем современном обществе предстоит стать аналогом гнойной хирургии. Да, всё очень противно, да, нам предстоит работать по уши в грязи и нечистотах — и дай Бог, если только в них, — но организм будет спасён и пойдёт на поправку.

А ключевой элемент, которого надо добиваться, — это исполнение государством своего долга по практической реализации синтеза ценностей, выработанного российским обществом.

Времени для этого остаётся всё меньше.

1. Впереди — срыв в глобальную депрессию

Современные экономические проблемы — лишь частное выражение системного кризиса человечества, которое меняет весь свой облик.

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины — исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы над нами в “холодной войне” Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) освоенные территории возможности нормального развития.

Но это ограничило сбыт продукции самих развитых стран, создав кризис перепроизводства, — правда, в первую очередь, не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, направленных на изменение человека и управление им: *high-hume'a*, а не *high-tech'a*.

Инстинктивно нащупанное в качестве выхода из этого кризиса стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001 годах.

США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из рецессии двумя стратегиями.

Первая — “накачка” рынка безвозвратных ипотечных кредитов — перестала работать в сентябре 2008 года.

Вторая стратегия поддержки экономики США — “экспорт нестабильности”, подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в “тихие гавани” Запада. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, стимулирующих экономику и технологии (это “военное кейнсианство”, эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке.

Сегодня Запад пытается не повысить свою конкурентоспособность, но просто запихнуть мир обратно в прошедшие навсегда 90-е и 2000-е годы, когда под прикрытием разговоров о глобализации и гуманитарных интервен-

циях почти везде, даже в Восточной Европе, сложился, по сути дела, новый колониализм.

Это значит, что он утратил стратегическую инициативу, которую пока никому подобрать.

Органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников — Евросоюз, Китай и, если у нашего руководства хватит интеллекта, Россию — и кладёт конец *Pax Americana*.

Насколько можно понять, интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь человечество вынуждено уменьшить её глубину, отступив назад и частично восстановив управляемость за счёт примитивизации процессов развития.

С другой стороны, сугубо экономическое содержание современного кризиса — загнивание глобальных монополий. Источников внешней конкуренции на глобальном рынке нет. Технологический прогресс, который может быть другим источником конкуренции, тормозится как этими монополиями (в том числе злоупотреблением правом интеллектуальной собственности), так и отсутствием значимых внеэкономических угроз (без которых открытие новых технологических принципов, в отличие от их последующей коммерциализации, нерентабельно).

Поэтому загнивание глобальных монополий будет нарастать, пока не приведёт к срыву в депрессию. Из-за нехватки спроса единый глобальный рынок распадётся на запутанную систему макрорегионов; снижение масштабов рынков приведёт к утрате ряда технологий и техногенным катастрофам.

Макрорегионы будут вести между собой жёсткую и хаотичную культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию — как в межвоенный период. Формирование макрорегионов ограничит всевластие и, соответственно, загнивание глобальных монополий: при всей их мощи, доступ в “чужие” макрорегионы будет для них ограничен. Поэтому данный сценарий неприемлем для глобального управляющего класса и ближе всех стоящего к нему руководства США: для них лучше погрузить потенциальные макрорегионы в хаос, чем дать им обособиться от контролируемых глобальными монополиями глобальных рынков.

Тем не менее, равновесие, вероятно, будет временно достигнуто благодаря восстановлению биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве сдерживающих остроту этого противостояния сил) в политике и поливалютной — в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Однако фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе долгов, но в отсутствии источника экономического роста США, а с ними — и всей мировой экономики. Ничто не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что из кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжёлую. Эта депрессия, как и Великая депрессия, начавшаяся в 1929 году, будет порождать войны, — но войны долгое время не будут выходом из неё, так как не будут вести к объединению разделённых макрорегионов (и, тем самым, к снижению уровня монополизма внутри них).

Ситуацию усугубляет распространение и совершенствование компьютеров, являющихся олицетворением формальной логики. Оно уравнивает нас по доступу к ней, — и конкуренция между людьми и коллективами постепенно начинает вестись на основе не логического, но внелогического — творческого и мистического — мышления.

В силу неумения их воспитывать с той лёгкостью, с которой мы воспитываем способность к логическому мышлению, это сделает конкуренцию более биологической и менее социальной, чем мы привыкли считать приемлемым. Это усилит тенденцию к снижению социальной значимости знания и качества специалистов, что грозит техногенными катастрофами из-за их неспособности обслуживать существующую инфраструктуру.

Рост мистического мышления, ужесточение глобальной конкуренции, явление глобального управляющего класса, который, не имея ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни акционеров, способных повлиять на их ре-

шения, принципиально свободен от ответственности, будет способствовать дегуманизации общества.

Распространение информационных технологий ведёт к кризису управления, включая кризис традиционной демократии, которая на глазах перестаёт работать.

Исчерпанность либеральной и в целом рыночной парадигмы стала очевидной, начиная с валютного кризиса неразвитых стран 1997–1999 годов. Современная рыночная парадигма подразумевает, что человек живёт ради наживы, а либеральная – что государство должно обслуживать глобальный бизнес, а не свой народ.

Одно из проявлений этой исчерпанности – ликвидация среднего класса.

С одной стороны, если долгов слишком много и увеличивать денежную массу больше нельзя, глобальные монополии начинают сокращать издержки. Это означает сокращение потребления населения, которое потребляет рыночных благ больше, чем производит, – то есть уничтожение среднего класса.

С другой стороны, сверхпроизводительные постиндустриальные технологии делают средний класс лишним.

Глобальные монополии уничтожали его в Африке, Латинской Америке и на постсоциалистическом пространстве. Теперь они уничтожают его в “ядре” капиталистической системы: в США и развитых странах Европы. Обнищание среднего класса развитых стран – пресловутого “золотого миллиарда” – не спасает от кризиса, но переводит этот кризис в постэкономическую и постдемократическую плоскости.

Ведь демократия существует от имени и во имя среднего класса. После его гибели она вырождается в новую диктатуру на основе формирования сознания. Это завершит процесс расчеловечивания, отказа от цивилизации. Мы увидим, как Запад откажется от суверенитета и самосознания личности – этого главного достижения эпохи Просвещения – и вернётся в Средние века, может быть, через бедствия, которые сломают психику общества и индивидуума. Первый шаг к этому уже сделан: декартовское “Я мыслю, значит, я существую” – заменено даже не более комфортной для индивидуума формулой: “Я потребляю”, – а прямо служащей бизнесу и только ему: “Я покупаю, значит, я существую”.

Реклама внушает, что изменение этикетки на вещи повышает её цену в разы. Это значит, что массовый обмен уже стал неэквивалентным. А неэквивалентный обмен – это грабёж. Если грабёж стал нормой, традиционного рынка больше нет. И это естественно: обнищание среднего класса лишает современную экономику спроса. А экономика без спроса есть нерыночная экономика.

С другой стороны, системная утрата собственниками крупных корпораций контроля за их топ-менеджерами, строго говоря, отменяет частную собственность, а с ней – и капитализм в его классическом понимании.

Таким образом, традиционная демократия и рынок уже закончились, просто мы этого ещё не признаём.

Кризис демократии и развитие глобального управляющего класса, осуществляющее внешнее управление по отношению ко всему не входящему в него человечеству, способствует возрождению скрытых, орденских по своей природе систем управления. Они аккумулируют знания, но скрытое знание в силу его природы умирает, вырождаясь в ритуалы. Поэтому надвигающееся на нас и предвсказуемое частью глобального управляющего класса компьютерное Средневековье будет оставаться компьютерным недолго.

Таким образом, нас ждёт болезненная и глубокая архаизация, сопровождаемая значительными жертвами, – своего рода падение в новые Тёмные века.

Такова вполне очевидная, тривиальная тенденция.

Мы не знаем, удастся ли человечеству избежать катастрофического движения по этому пути, но должны прилагать все силы для решения этой задачи.

Она двуедина: сохранить технологии и продолжить технологический прогресс, несмотря на сужение рынков (и, соответственно, снижение степени разделения труда), и сохранить гуманизм, остановив общую дегуманизацию.

Представляется, что Россия, даже в её сегодняшнем состоянии, является единственной частью человечества, в принципе способной решить эту задачу (и всем здоровым силам человечества стоит помочь ей в этом, потому что “быть способным” – ещё отнюдь не значит свою способность реализовать).

С одной стороны, в рамках советского ВПК был создан колоссальный, во многом сохранённый и даже развитый задел сверхпроизводительных “закрывающих” технологий, отличающихся от традиционных дешевизной, про-

стойкой и эффективностью. Блокируемые монополиями, после их краха в условиях глобальной депрессии они способны сохранять высокую рентабельность даже на узких рынках.

С другой стороны, наша культура принципиально гуманистична – в силу исключительного значения для неё стремления к справедливости. Стремление к справедливости способствует постоянному предпочтению эффективности с точки зрения общества перед эффективностью с точки зрения отдельной личности или фирмы, что является залогом как коллективного выживания, так и сохранения гуманизма.

Российская культура имеет принципиально мессианский характер: её носители не только не живут без сверхзадачи даже в условиях высокого комфорта (это общая особенность человека как биологического вида), но и способны самостоятельно продуцировать эту сверхзадачу как в комфорте, так и на грани гибели.

Это позволяет России всерьёз пытаться искать выход из ловушки, в которой находится современное человечество, на пути своего рода “технологического социализма”, сочетающего гуманизм и развитие технологий в рамках соединяющего людей “общего дела”.

Но для этого необходимо, прежде всего, выстоять под внешним давлением на нашу страну, объективно усиливающимся в результате обострения глобальной конкуренции в ходе кризиса.

2. Усиление внешнего давления на Россию

2. 1. Глобальному бизнесу нужны менеджеры, а не партнёры

Глобализация качественно изменила основное противоречие человеческого развития.

Сегодня новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделённым государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца, но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране и не имеет внешних обязательств. В силу самого своего положения “над традиционным миром”, он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно, а тем более территориально самоидентифицирующейся общности как таковой, и в первую очередь – традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса. Соответственно они переходят от управления в интересах наций государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах конгломерата борющихся друг с другом глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счёт этих интересов (а порой и за счёт их прямого подавления).

Это именно та ситуация, которую мы на протяжении последних двух десятилетий наблюдаем в России.

На наших глазах и при нашем непосредственном участии мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделённых государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил, ибо традиционная разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими теряет значение перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии “новых кочевников”.

Практически впервые в истории теряют значение противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом. Они оказываются незначительными перед глубиной общих противоречий меж-

ду силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания ещё одного, как ни парадоксально это звучит, патриотического Интернационала, объединённого общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни и суверенитета своих народов.

Однако пока углубление глобального кризиса, проявляющегося в нехватке спроса, переинвестировании спекулятивных секторов и недоинвестировании инфраструктурных, а главное – в неконтролируемом росте заведомо безвозвратных долгов, объективно требует от всех участников мирового рынка и, в первую очередь, глобального бизнеса сокращения издержек.

В полной мере это касается и отношений глобального бизнеса и современной России, которая представляет собой, по сути дела, сырьевую колонию, добросовестно возвращающую финансовой системе “хозяев” значительную часть средств, уплаченных за её сырьё.

Офшорная аристократия, правящая и формально владеющая нашей страной, хранит за рубежом не только критически значимую часть своих активов, но и свои семьи, не связывая своё будущее с судьбой “этой страны”, населённой “неправильным народом”. Поэтому она полностью контролируется глобальным бизнесом и управляет Россией, в конечном счёте, в его интересах.

Стремление глобального бизнеса к экономии, вынужденное развитием глобального кризиса, как представляется, существенно влияет на его внутрироссийские политические предпочтения.

Президент Путин, демонстрируя стремление к стратегическому сотрудничеству и способность к нему, долгое время был российским партнёром глобального бизнеса, однако соображения экономии требуют замены относительно самостоятельного партнёра простым менеджером, никаких “суверенных” прав не имеющим.

Это означает, что глобальный бизнес будет переходить от стратегии сотрудничества с Россией, реализовавшейся в 2000-е годы, к стратегии внешнего управления ею по образцу “лихих 90-х”.

Во внутренней политике нашей страны это означает ставку на либеральный клан, полностью идентифицирующий свои интересы с глобальным бизнесом и истово верующий в то, что смысл существования государства заключается в служении именно ему, а не собственному народу.

Либеральный клан России практически един в своих официальных и формально “оппозиционных” группах и, насколько можно судить, представляет собой туземную обслугу, а при определённых условиях – “штурмовую пехоту” глобального управляющего класса. Признак этого – свободный приход либеральных оппозиционеров, вроде Н. Белых, на государственную службу и предложение вернуться на неё, сделанное выступавшему на проспекте Сахарова Кудрину.

Делавшаяся некоторое время ставка на Медведева (сейчас, похоже, сменённая ставкой на Кудрина) выглядит как ставка на “своего парня”, какими бы недостатками он ни обладал, в противовес засидевшемуся на своём месте и надоевшему своей недостаточной прозападностью “авторитаристу”.

Впрочем, позиция глобального управляющего класса амбивалентна: придёт к власти “свой парень” и будет делать, что скажут – хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 90-х окунёт страну в хаос, для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Так или иначе, переориентация глобального бизнеса с партнёрства с Россией на более экономичное внешнее управление ею грозит не просто заменой Путина на Медведева, Кудрина или кого-либо ещё, а обрушением нашей страны в новые 90-е годы.

2. 2. Давление США: разоружение

С учётом практического исчезновения актуальной “повестки дня” в двусторонних отношениях России и США, крайне болезненного для отечественной правящей тусовки (так как ей необходимо поддерживать постоянные отношения с США хотя бы из соображений престижа), представляется вполне естественным возврат к традиционной теме ядерного разоружения.

Деградация ракетно-ядерного комплекса позволяет российским властям спокойно идти на достижение договоренностей (так как он будет сокращаться всё равно, в силу физического *выбытия* из строя, так пусть уж это будет в соответствии с международными соглашениями!), и накопленный исторический опыт делает переговоры в этой сфере достаточно комфортными для обеих сторон. И российские, и американские чиновники имеют все основания чувствовать себя спокойно: начиная подобные переговоры, они могут с уверенностью рассчитывать на их успешное завершение и, соответственно, на укрепление своих личных позиций во внутриаппаратной конкуренции.

Используя вызванную этим понятную расслабленность и снижение бдительности, американское руководство пытается включить в повестку дня предложения о полной ликвидации тактического ядерного оружия и ядерного оружия средней дальности.

С точки зрения освобождения мира от ядерного оружия этот подход представляется вполне логичным: действительно, для глобального сдерживания достаточно ракетных войск стратегического назначения, а остальное представается пережитком времён “холодной войны”.

Однако этот формальный подход не имеет отношения к российским реалиям.

Дело в том, что наличие значительных объёмов тактических ядерных зарядов (насколько можно судить, Россия до сих пор существенно превосходит США по этому показателю) представляется едва ли не единственным инструментом, который на самом деле способен компенсировать чудовищную слабость обычных вооружённых сил нашей страны, которые нескоро оправятся от последствий “сердюковщины” и разрухи 90-х годов.

Отказ России от тактического ядерного оружия сделает её фактически беспомощной перед возможной обычной агрессией большинства её соседей, в том числе и входящих в состав НАТО.

В частности, без тактического ядерного оружия и ракет средней дальности станет принципиально невозможным сдерживание потенциальной экспансии Китая. Сегодня экспансионистские настроения отвергаются китайским руководством, однако нарастание внутренних противоречий может принципиально изменить ситуацию в течение ближайшего десятилетия.

Между тем, учитывая кардинальное различие между демографическим потенциалом двух стран и невозможность плотного прикрытия границы обычными вооружениями, единственным способом сдерживания потенциальной экспансии представляется сочетание тактического ядерного оружия с ядерным оружием средней дальности и стратегическим ядерным оружием (с надежной защитой всех баз такого оружия в любых регионах России от действий спецназа) при создании у наших стратегических партнёров полной уверенности к нашей непоколебимой готовности его применить в случае агрессии.

С учётом изложенного, тактическое ядерное оружие не менее важно для России, чем стратегическое. Осознание этого привело к отказу российского руководства обсуждать возможность его запрета, однако американское давление продолжается и может ещё привести к разрушительному для нашей страны успеху, как это не раз бывало в прошлом.

2. 3. Давление Европы: “энергетическая безопасность”

Благодаря “сланцевой революции” США стали “зоной дешёвой энергии” вроде советской, и начинают реиндустриализацию своей экономики. Сжиженный природный газ (СПГ), высвободившийся с их рынка, уже создал в Европе избыток предложения, давший потребителям преимущество перед продавцами. Это создало предпосылки для либерализации европейского рынка газа и роста спотовой торговли, *отвязывающей* цену газа от спекулятивных высоких цен нефти.

Сейчас сжиженный природный газ обеспечивает около 20% всего европейского импорта. В 2012 году на основе спотовой торговли устанавливалась цена более 40% всех газовых поставок в Европе. Несмотря на риски для потребителей, спотовая торговля как механизм ценообразования станет (в том числе и по политическим причинам) доминантной в Европе.

В 2015 году в мире начнётся ввод в строй значительных мощностей по производству СПГ (85,2 млрд куб. м, не считая мощности США); в 2016 году сойдут со стапелей супертанкеры, строящиеся в Южной Корее для перевозки на экспорт американского сжиженного сланцевого газа. По-

сле этого “Газпром” ждёт вторая волна сокращения его присутствия в Европе; по ряду оценок, экспортная цена его газа не сможет превышать 300 долл./тыс. куб. м., а затем в течение пяти лет снизится до 250 долл. в ценах 2012 года.

Ведь европейский спрос на газ (из-за кризиса, энергосбережения, альтернативной энергетики и дешевизны угля по сравнению с контрактным газом) будет стагнировать или сокращаться. Существенно, что энергетическая стратегия Евросоюза жёстко направлена против России: “диверсификация (источников поставок. — М. Д.) должна означать новые, не российские источники нефти, газа и электроэнергии”. Доля “Газпрома” в импортируемом Евросоюзом газе снизилась с 44,5% в 2007 году до 24% в 2011 году. Общий экспорт российского газа (без транзита среднеазиатского) в дальнее зарубежье упал со 161,8 млрд куб. м в 2006 году до 117,2 млрд в 2011-м.

Начатое в 2012 году Еврокомиссией антимонопольное расследование против “Газпрома” снизило капитализацию холдинга на 2 млрд долл. Штраф может составить 14 млрд долл.

Еврокомиссия затребовала от правительств и национальных компаний Евросоюза информацию обо всех переговорах с поставщиками из стран вне Евросоюза. Цель — проверка будущих контрактов на соответствие антимонопольному законодательству, которое также может дорабатываться (возможно, для опережающего превращения “нежелательных” контрактов в незаконные).

Русофобия отдельных национальных элит, сегодня обходимая “Газпромом” (как и Россией в целом) при помощи двусторонних отношений, скоро будет влиять на общеевропейские решения.

Президент В. Путин был вынужден прямо назвать Третий энергетический пакет “направленным на выдавливание российских интегрированных компаний” с европейского рынка.

Его непроработанность весьма серьёзно грозит российским компаниям и их партнёрам в Евросоюзе. Ключевая часть Третьего пакета — разделение вертикально-интегрированных компаний. Сейчас только в транспортировке газа “Газпром” имеет в 13 странах Евросоюза 16 крупных совместных предприятий и одну 100-процентную “дочку”. Его контроль над ними, как минимум, снизится.

Третий пакет требует привести транспортные контракты в соответствие с новыми требованиями, которые ещё не сформулированы.

Создаётся возможность срыва поставок из-за отсутствия гарантий доступа к газотранспортным мощностям (пресловутое “контрактное несоответствие”). Контракты на поставку заключаются теперь поставщиком с потребителем, а на транспортировку — с системой транспортировки. Дефицит транспортных мощностей может помешать исполнить обязательства поставщика перед потребителем. Это разрушает надёжность крупного проектного финансирования.

Третий пакет вводит обязательную в Евросоюзе сертификацию управления и владения газотранспортными активами для компаний с иностранным участием. Это создаёт искусственные административные барьеры, в первую очередь, для “Газпрома” и демонстрирует враждебность к России, которая пока не применяет аналогичных мер в отношении европейского бизнеса на своей территории.

Тем не менее, вполне сознательное энергетическое давление Евросоюза на Россию уже наносит нам серьёзный ущерб и может заметно приблизить системный кризис и сделать его более разрушительным.

2. 4. Исламизм: Сирия — Кавказ, далее — везде

В ходе хаотизации Северной Африки в рамках “арабской весны” проявилась прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против законных и признанных режимов Мубарека и — особенно — Каддафи. Это откровенно пугает, если вспомнить массивную (и далеко не только информационно-политическую) поддержку, оказанную Западом исламским террористам в их борьбе против России во время первой и второй чеченских войн.

Раздувание гражданской войны в Сирии показывает: исламские фундаменталисты являются непосредственными исполнителями стратегии Запада, в первую очередь, США, по хаотизации мира для запугивания глобальных

спекулянтов, привлечения их капиталов в американские ценные бумаги и тем самым – для поддержания рушащейся мировой финансовой инфраструктуры.

Поэтому Запад будет поддерживать исламских террористов, хаотизируя всех, кто слаб.

Новая обширная зона нестабильности, – от Туниса до Пакистана, особенно Ливия, – при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков, неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости после подписания предательского Хасавюртовского мира.

Бить “руку кормящую” боевики побоятся, об Иран и тем более Китай легко обломать зубы, а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место. Если учесть состояние отечественных “правоохранительных” органов, приходится констатировать: дестабилизация Большого Ближнего Востока (вкуче с воцарением в Афганистане Талибана и возможным превращением колоссальной таджикской диаспоры в “пятую колонну” Ирана) может аукнуться России новой террористической войной.

И мы уже видим заметный рост террористических проявлений на Северном Кавказе, причём не только в Дагестане и вроде бы “замёрзшей” на несколько лет Чечне.

Учитывая практически повсеместное распространение гастарбайтеров из Средней Азии и их, по сути дела, свободный доступ к большинству населённых пунктов России, появление в криминальных конфликтах на территории России граждан из стран, никогда не входивших в СССР, в частности, из Египта, а также глубокое распространение радикального ислама в нашей стране, можно с высокой степенью вероятности ожидать выхода террористической войны далеко за пределы Северного Кавказа.

И в этом отношении Сирия играет роль передового рубежа российской обороны: после уничтожения исламистами сирийской государственности (как это произошло, например, в Ливии) с высокой степенью вероятности наступит очередь не стран, способных жёстко и эффективно противостоять террору, а глубоко коррумпированной и оттого полностью беспомощной даже перед лицом обычной миграции России.

2. 5. Китай: перспектива вынужденной экспансии

В настоящее время Китай является принципиально не экспансионистской страной, причём не только по субъективным, но и по вполне объективным причинам. Рост благосостояния, увеличение удельного веса среднего класса, ориентация страны на экономические методы достижения могущества и надежды огромного народа делают территориальную экспансию ненужной и даже прямо вредной, способной создать проблемы для главных – хозяйственной и этнической – экспансий.

Однако есть основания опасаться того, что нарастание внутренних проблем Китая способно существенно изменить ситуацию уже в течение ближайшего десятилетия.

Нарастающее превышение численности молодых мужчин над численностью молодых женщин объективно повышает агрессивность общества, – и любое ответственное перед своим народом руководство предпочтет направить эту агрессивность вовне, а не ждать, пока она, копясь внутри общества, взорвёт его, как взрывается перегретый паровой котёл.

Переход от традиционной многодетной крестьянской семьи к семье с единственным ребенком фактически разрушил тысячелетнюю китайскую педагогику и вывел в уже взрослую жизнь “поколение маленьких императоров”, часто капризных, взбалмошных, жестоких и, как правило, весьма энергичных. Вдумайтесь: ведь это первое поколение китайцев, которое ест досыта!

Сочетание инфантильности с личной энергетикой и той колоссальной мощью, которую несёт в себе даже современный Китай (и тем более будет нести в себе завтрашний!), представляет собой потенциальную проблему если и не для большинства его соседей, то, во всяком случае, для России.

Ведь Китай в прямом смысле слова задыхается от нехватки ресурсов, причём известная нам энергия занимает по остроте дефицита лишь третье место, заметно уступая воде и почве, которых у России в избытке.

При всём этом следует со всей решительностью подчеркнуть, что Китай объективно является важнейшим стратегическим партнёром России.

Китайское руководство, в свою очередь, чётко сознаёт это, — особенно оказавшись в положении главного стратегического противника США, подвергающегося их комплексному, системному давлению по всем направлениям. Недаром новый руководитель Китая Си Цзиньпин нанёс свой первый официальный визит именно в Россию.

Укрепление дружбы между двумя народами является важнейшей задачей руководства и России, и Китая.

Но дружба возможна лишь между хотя бы приблизительно равноправными партнёрами. Если деградация России продолжится, наша слабость сама по себе станет важнейшей проблемой в двусторонних отношениях и превратит успешное развитие Китая в серьёзную стратегическую проблему.

2. 6. Украина: конец интеграционной маниловщины

Интеграция с Украиной является условием даже не прогресса, а самого существования России, которая по социально-экономическим причинам просто не может успешно развиваться без неё, Белоруссии и Казахстана. Именно по этим причинам, предельно внятно сформулированным ещё Бжезинским, российско-украинская интеграция является совершенно неприемлемой для Запада, которому не нужно восстановление значимого конкурента.

Поэтому Украину и не удалось вовлечь в Таможенный союз в момент его создания. Насколько можно понять, непосредственной причиной этого стало жёсткое противодействие представителей либерального клана, занимающих ключевые посты в российском государстве.

К настоящему времени основными противниками российско-украинской интеграции являются украинские олигархи, чётко осознающие, что, в силу сравнительной незначительности своего бизнеса и некачественности его управления, они не смогут конкурировать с российскими корпорациями и в рамках единого рынка будут либо поглощены, либо разорены ими.

Их антиинтеграционная политика во многом подпитывается абсурдной экономической стратегией “Газпрома”, по сути дела, подменившей государственную политику России. Алчность и приверженность букве подписанных документов при полном игнорировании реальной социально-экономической и политической ситуации привели к тому, что Украине оказалось выгодно закупать газ не напрямую у “Газпрома”, а перекупать газпромовский газ у Германии.

Для немцев это тоже выгодно: не имея (в отличие от Украины) в силу правового государства возможности прямо нарушать договора с “Газпромом”, они были вынуждены платить за определённый объём газа, даже если физически не потребляли его. Теперь излишки газа продаются Украине (насколько можно понять по затуханию истерик о реверсе газопроводов, из магистрального газопровода прямо на территории Украины) с незначительной скидкой, но это всё равно выгодно обеим сторонам.

Справедливости ради следует отметить, что остальные российско-украинские интеграционные проекты, носящие взаимовыгодный характер, также не реализуются, в том числе и из-за противодействия украинских олигархов.

Украинское руководство приобретает всё более клановый характер и, стремясь к личной наживе, отрывается от нужд и интересов народа. Партия регионов, выродившаяся в карикатуру на “Единую Россию”, на предстоящих выборах, скорее всего, потерпит поражение, отдав власть националистам из партии Кличко и серьёзно укрепив позиции нацистов из партии “Свобода”.

Понятно, что после этого речь будет идти уже о превращении Украины в европейскую (в первую очередь, германскую и польскую) колонию, но отнюдь не о её поступательном развитии и модернизации на основе интеграции в Россию.

Таким образом, интеграционный и модернизационный шанс, полученный народами наших стран после политического поражения “оранжевых” на Украине и в ходе создания Таможенного союза, позорно провален.

3. Разложение воровского абсолютизма

3. 1. Коррупция как стержень экономики и политики

Экономисты привыкли описывать нашу экономику как двухсекторную: состоящую из захлёбывающихся в прибылях экспортёров сырья и производителей, работающих на внутренний рынок.

Разница между ними такая же, как между честным милиционером из “Нашей Russia”, живущим на корку хлеба в день, и его утопающим в жиру реальным прототипом. Конкуренцию за все ресурсы – от кадрового до административного – выигрывает искренне не знающий, куда девать деньги, экспортный сектор. Пропасть между ними растёт, работающие на внутренний рынок и игнорируемые государством производства стагнируют, а с присоединением к ВТО и погибают. Выживающие переходят на использование рабского труда бежавших из социального ада, которым стала Средняя Азия, что разрушает этноконфессиональный баланс, лишает россиян приемлемой работы, обеспечивает их форсированную деградацию и усиливает коррупцию и криминализацию общества.

Эта модель, характерная для неразвитых стран Латинской Америки, закреплена в России неустанным трудом либеральных реформаторов всех мастей, но сегодня речь не о них.

Сегодня речь пойдёт о том, что эта модель устарела и служит не столько описанию реальности, сколько отвлечению внимания общества от главного, ключевого вида российского бизнеса – бизнеса на бюджете.

Суть его вроде бы благородна: выполнение госзаказа, реализация потребностей государства, а значит, и предоставляемого им общества.

Увы: когда в начале “тучных” (для некоторых “нулевых”) нефтедоллары превратили бюджетные расходы в едва ли не более надёжный источник денег для бизнеса, чем экспорт сырья, эта благородная суть была обложена монополиями сразу с двух сторон.

Прежде всего, распределявшие госзаказы чиновники осознали свою силу. Идиотичные по своей тотальности конкурсные процедуры стали могучим инструментом организации коррупционных схем, личного обогащения и наработки не только финансового, но и административно-политического капитала.

С другой стороны, бизнес, присосавшийся к госрасходам, ощутил себя в раю: берущий откаты бюрократ не может требовать от него качественной работы, и потому свои обязанности можно выполнять, как Бог на душу положит. Спрашивать-то некому!

Этот симбиоз пухнувших от государственных (то есть наших с вами) денег коррупционеров и обслуживающих их (под прикрытием бюджетной потребности) недобросовестных бизнесменов стал едва ли не основным содержанием деятельности российских властей на всех уровнях – от сиятельного федерального центра до администрации смываемой фольклорными дождями деревни Гадюкино.

Мельком помянутый ещё президентом Медведевым триллион рублей федерального бюджета, уходящий “налево”, – лишь верхушка коррупционно-бюджетного айсберга.

Реальные масштабы “откатов” и “распилов”, насколько можно судить, значительно шире (не говоря уже о внебюджетных фондах – пенсионном, соцзащиты и фонде обязательного медстрахования, а также о региональных и местных бюджетах) и в целом растут.

А “откатно-распильная” экономика не позволяет ограничивать ценовой произвол: даже самый дремучий чиновник видит, что, если “его коммерс” не завысит цены, ему просто нечем будет платить взятку. Это позволяет последнему с гарантированной безнаказанностью завышать цены, удовлетворяя свою алчность в том числе и под предлогом тяжкого коррупционного бремени.

При этом объединённая алчность коррупционеров и обслуживающих их бизнесменов серьёзно влияет на всю политику государства.

Разговоры о “милитаризации” из-за намерения выделить до 20 трлн руб. на перевооружение смехотворны не только из-за жизненной необходимости этого перевооружения. Не менее важно, что в силу секретности *норматив* воровства в военной сфере чуть ли не вдвое выше, чем по бюджету в целом (по оценкам экспертов, 60 и 30% соответственно). Поэтому накачка деньгами закрытых статей представляется не более чем естественным перетоком коррупционных потоков в более эффективные для воровства сферы.

Заинтересованность недобросовестных чиновников в процветании кормящих их “бизнесменов на бюджете” проявляется и в направленности либеральных реформ. Их лозунг последнего десятилетия: “Снять с бизнеса избыточную социальную нагрузку”. С одной стороны, чтобы у связанного с чиновниками бизнеса было больше средств для передачи им, с другой – для создания новых видов бизнеса, обслуживающих бюджет либо контролируемых чиновниками.

Любоедская “монетизация льгот”, вытолкнувшая на улицы два с четвертью миллиона протестующих пенсионеров (которые самой социальной природой вроде бы обречены были быть верной политической опорой режима!), как и другие либеральные реформы, разрушающие социальную сферу, до сих пор служат формированию новых видов бизнеса, паразитирующих на бюджетных деньгах. Другой вариант – создание под прикрытием тех же чиновников новых видов бизнеса, вынимающих из наших карманов деньги за вчера ещё бесплатные (или почти бесплатные) услуги.

Растущий грабёж населения организуется правящей тусовкой не из-за иррациональной ненависти к согражданам, но для насыщения деньгами контролируемого чиновниками бизнеса, кормящегося на бюджетных услугах или на услугах, контролируемых государством (как, например, в сфере ЖКХ).

Когда в центре города Чернь Тульской области федеральная трасса “Крым” – одна из основных дорог страны – превращается в разбитую и размытую дождями грунтовку, “спасибо” надо говорить не только федеральным, региональным или местным вора, но и их верному помощнику и обслуге – “бюджетному бизнесу”.

Когда рост цен и расширение платности (то есть снижение доступности) оказываемых государством услуг (включая жизненно важные здравоохранение и образование) сопровождается катастрофическим снижением их качества, благодарить надо не только либеральных реформаторов, но и “бюджетный бизнес”, который по противоестественному субподряду выполняет сегодня многие важнейшие государственные функции.

Когда полицейская статистика отражает такие новые для России виды преступлений, как изнасилования старух и малолетних детей, надо помнить, что огромная часть молодых мужчин из Средней Азии, не имеющих понятия о нашей культуре (а часто и о языке), отрывается от семей и содержится на положении рабов, прежде всего, именно “бюджетным бизнесом”.

Вопреки досужим разговорам, Россия является мировым лидером по числу бизнесменов: огромная часть размножающихся административным почкованием чиновников на деле являются бизнесменами. И список журнала *Forbes* – жалкая пародия на реальный список российских миллиардеров, ибо желание жить и работать в России не даёт составляющим его журналистам возможности включать в него лиц, занимающих государственные должности.

При этом жизнь “бюджетного бизнеса” не сладка. Любая неосторожность – и бизнесмен может быть легко “сдан” в рамках пресловутой борьбы с коррупционерами (ведущейся, похоже, ради повышения эффективности коррупции) или просто отодвинут от бюджетного корыта. Да и замена чиновника, как правило, ведёт к замене его бизнеса. И это помимо довольно широко распространённых случаев, когда разнежившийся чиновник в знак милости и довольства работой бизнесмена забирает его бизнес себе, под угрозой тюрьмы позволяя тому работать наёмным директором на собственном предприятии.

Понятно, что такая организация огромной части экономики убивает конкуренцию, а с ней и эффективность производства.

Сложившаяся модель процветания “бизнеса на бюджете”, вдобавок ещё часто и принадлежащего соответствующим чиновникам, в принципе исключает всякую возможность экономического развития России и предопределяет её социальную деградацию.

Ужас этой системы – в её устойчивости, так как все влиятельные участники процесса довольны своим положением.

Либеральные фундаменталисты и рядовые коррупционеры заняты перекачкой ресурсов общества в бизнес. Да, бизнес этот принадлежит не абы кому, а зачастую им самим, но с их точки зрения именно в этом и состоит высшая справедливость общественного бытия.

Силовые олигархи, в советскую эпоху привыкшие цинично издеваться над бредом политруков о грядущем коммунизме, раскаялись в своём скепсисе: коммунизм для них наступил, и они в нём живут.

И даже бизнес, низведённый с пьедестала главного фактора развития общества до положения *дойной коровы*, старается не *мычать*, ибо тихую дойную корову обычно не бьют и почти никогда не режут.

Между тем превращение экономики в пищеварительный тракт делает её более самоедской, чем даже позднесоветская экономика, и предопределяет не только экономический, но и политический крах режима в катастрофических для людей и смертельно опасных для общества социальных судорогах.

Коррупцированная бюрократия, являясь не более чем услугой глобального бизнеса, в этом качестве превратила само российское государство в огромную и беспощадную машину уничтожения России и её народа. Она перерабатывает биомассу, по праздникам именуемую “населением”, в миллиардные капиталы, личные океанские яхты с собственными подлодками и ПРО, замки в Швейцарии, Австрии и “Рублёвском федеральном округе”, в куршевельские загулы.

Избежать катастрофы можно технически просто, но это требует кардинального ограничения коррупции, что производит впечатление изменения государственного строя и, как минимум, — лишения правящего и владеющего Россией класса источников его доходов.

Следует сознавать, что коренное оздоровление государства, очищение его от скверны коррупции, — а значит, и от являющейся её носителем правящей тусовки, — является категорическим условием выживания не только России в целом, но и каждой российской семьи.

3. 2. “Матрица” правящего класса закрывает проект “Российская Федерация”?

Энергичные действия государства в последние месяцы вызывают стойкое ощущение нового “национального проекта”: сделать нашу страну окончательно непригодной для проживания нормальных законопослушных людей.

Месть российским сиротам за то, что американцы захотели конфисковать дворцы и активы “оборотней в погонах”, покрываемых правящей тусовкой, вызвал даже лёгкий всплеск патриотизма.

Но большинства россиян эта мера непосредственно не коснулась.

А дальше *понеслась нелёгкая.*

Вторую “зиму Медведева”, которую нас заставили жить по летнему времени, максимально (на 2 часа) отдалённому от природного, россияне перенесли едва ли не тяжелее, чем первую. И тогда, и в этом году примерно 75% опрошенных в Интернете признали, что им стало заметно тяжелее засыпать и просыпаться. Доля не заметивших изменений снизилась с 20 до 18%, а почувствовавших улучшение — подскочила с 5 аж до 7%: стерпится — слюбится.

Тем не менее, вторую зиму подряд три четверти некогда великого народа прожили, заботливо погруженные правящей тусовкой в состояние искусственного стресса.

Не успели москвичи (да и жители некоторых других крупных городов) отойти от пред- и посленовогоднего ада на дорогах, ведущих в аэропорты (пробка в Домодедово благодаря гениальной организации движения в аэропорту и таксистской мафии временами стояла от МКАДа), как московские власти разродились потоком инициатив по дискриминации водителей.

На психику последних, и без того *порванную* многократным взиманием штрафов за одно и то же нарушение (при превышении скорости, например) без реальной возможности их обжаловать, свалились 3 тысячи рублей за неправильную парковку — при том, что часто невозможно припарковать машину правильно.

Прошёл “эксперимент” в центре Москвы со сверхдорогой парковкой — с оплатой при помощи СМС на Кипр (что, разумеется, не имело никакого отношения к коррупции и выводу капиталов!).

Кое-где (например, на Пушкинской площади) возможность платы за парковку не была предусмотрена вообще: похоже, властям было нужно не законопослушное поведение граждан, а исключительно штрафы.

Там, где *паркоматы* всё же установили, они прямо нарушали закон, а предписания налоговиков спокойно и цинично игнорировались.

Оглушающим аккордом борьбы с водителями стало медведевское “нулевое промилле”, заставившее полстраны гадать, сколько же и чего именно употребил премьер Медведев перед выдвиганием столь продуктивной инициативы.

Закон о борьбе с курением производит впечатление терроризма и под благим предлогом превращает в изгоев 43% взрослого населения страны. Ювенальная юстиция, как бы ни критиковал её президент, всё равно используется для изъятия детей из семей под самыми дикими предложениями (например, из-за бедности их родителей).

Прекращение оплаты донорства (повышенной было в середине 2011 года до разумного уровня) “на ровном месте” создало реальную угрозу дефицита крови. Между тем даже вице-мэр Москвы Леонид Печатников признал, что

платное донорство давало Москве примерно половину цельной крови, 94% плазмы крови и почти 100% тромбоцитов.

Резкое повышение обязательных социальных взносов для малого бизнеса (власти решили выгадать 40 млрд руб. — при 6,1 трлн “неиспользуемых остатков”, попусту валяющихся в федеральном бюджете) и перевод его части на полноценный бухгалтерский учёт стало настоящим бедствием для индивидуальных предприятий: за I квартал закрылось более 300 тысяч, и регистрирующие органы по-прежнему забиты заявлениями.

Госдума приняла в первом чтении закон, карающий проживание вне места регистрации штрафом в 2–5 тыс. руб., а допуск человека в квартиру без регистрации — 2–7 тыс. руб. “Предоставление заведомо ложной информации”, в чем виновны и проживающий без регистрации, и тот, у кого он проживает, и тот, у кого он зарегистрирован, становится уголовным преступлением, за которое можно на год лишиться свободы.

Для сравнения: медведевская “либерализация” Уголовного кодекса позволяет за убийство (“причинение тяжких телесных повреждений, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего”) лишать свободы на два месяца. Контрабанда — вне зависимости от размеров — перестала считаться уголовным преступлением, а доля лишаемых свободы взяточников (в подавляющем большинстве “стрелочников”) упала с 25 до 14% от доведенных до суда, но и это вполне официально считается слишком высоким уровнем.

Не забыты и бежавшие от “взбесившихся принтеров”: не получившие статуса постоянно проживающих за рубежом все доходы могут получать только через российские банки. Правило давнее, но с 13 февраля 2013 года штраф за его нарушение составляет от 75 до 100% полученного дохода — при том, что некоторые (работающие в крупных иностранных корпорациях или получающие дотацию студенты) в принципе не могут его выполнить. А главное — эта норма введена практически без оповещения, “без объявления войны”.

Наконец, перед праздником “весны и труда” 1 Мая Госдума приняла во втором, решающем чтении законопроект о запрете заёмного труда, сформулированный таким образом, что этот механизм бесчеловечной эксплуатации, практически запрещающий трудящимся защищать свои права, оказался, по сути дела, легализованным на территории многострадальной России.

Почему же “принтеры” “взбесились”?

Логические объяснения этого часто бескорыстного (что, собственно, и удивляет) беспредела очевидны.

Это безответственность, коррумпированность и безнаказанность правящей тусовки, члены которой в прямом смысле слова “сходят с ума, потому что им нечего больше хотеть”.

Это результаты либеральной реформы образования и общей политики дебилизации, которые разрушают не только народ, но и правящую тусовку.

Это алчность: аппетиты растут быстрее финансовых потоков, коррупционных доходов на всех не хватает (что и вызывает, похоже, “антикоррупционные скандалы”), идёт лихорадочный хаотический поиск *шерсти*, которую с нас ещё можно *состричь*, — и в суете овцу часто бьют просто так, от спешки и раздражения.

И, разумеется, это конкурентная ситуация в “Единой России”: молодые карьеристы и бизнесмены, которые без попадания во власть не смогут развиваться, а то и сохранить, свой бизнес, грызут пожилых бюрократов. Чтобы быть замеченным начальством, нужно выдвинуться с яркой инициативой, которая не коснётся реальных проблем общества (они давно превращены правящей тусовкой в кормушки и именно поэтому не решаются). Стихийный конкурс таких инициатив напоминает Олимпиаду по математике в психушке, но поскольку деградация государства в силу его коррупционного характера едва ли не опережает деградацию общества, победители отбираются порой патологическим способом.

Таким образом, даже безусловно благое дело — развитие внутрипартийной конкуренции (а “Единая Россия” по этому критерию, как ни парадоксально, на голову опережает все остальные партии, являясь наиболее демократической из них) — оборачивается своей противоположностью и наносит обществу колоссальный вред.

Тем не менее объяснение глобального феномена частными факторами не всегда верно. Причина может оказаться более общей, более фундаментальной, чем кажется.

Исходящая деятельность организаций довольно часто сталкиваются с феноменом коллективного сознания: организация как целое рационально преследует цели, понятные стороннему наблюдателю. Но люди внутри неё, включая руководителей, погружённые в повседневные заботы, этих успешно достигаемых ими целей не видят и не сознают.

Феномен коллективного сознания может проявляться и на уровне правящего Россией класса. Его основное занятие, насколько можно судить, — переработка советского наследства в личные богатства, легализуемые в фешенебельных странах. Пресловутая “коррупция” — лишь один из способов, но не цель его деятельности.

Советское наследие (включая высокую культуру и образованность) заканчивается: об этом свидетельствует, в частности, рост катастроф и аварий. Выработанность коррупционно-грабительской модели проявляется и в торможении экономического роста, который уже не достигает минимального уровня, позволяющего удовлетворять аппетиты ключевых групп влияния и тем поддерживать социально-политическую стабильность.

Четверть века национального предательства, начатые ещё партхозноменклатурой Горбачёва, заканчиваются: новые поколения управленцев вот-вот произнесут сакраментальное: “Всё уже украдено до нас!”

Привычный образ жизни исчерпан, продолжение безоглядного разграбления страны превратит нас в Ливию (утешающимся нехваткой отечественной молодёжи для реализации этого сценария стоит оценить реальное количество в России исламской молодёжи, в том числе иностранной), а руководителей — в Каддафи и его окружение.

Им это не нравится, как и нам, но альтернативой может быть только переход от воровства к развитию. Для правящей тусовки такой переход мучителен и, вероятно, невозможен из-за противоестественности и сложности. А зачем напрягаться, когда и так хорошо?

Выходя на развилку между гибелью в системном кризисе, вызванном его же пороками, и перерождением в ответственного создателя, правящий и владеющий Россией класс может продемонстрировать парадоксальную реакцию. Её суть — скачок в кризис с тем, чтобы он был не стихийным, внезапным и потому опасным для правящего класса, а управляемым и прогнозируемым.

С одной стороны, это похоже на реакцию ребёнка, который от досады и лени ломает слишком сложную для него игрушку (точно так же — во многом от беспомощности, а даже не от корысти — “красные директора” разворовывали свои заводы в начале и даже ещё в середине 90-х годов; точно так же, как отмечал С. Кургинян, разрушала позднесоветская партхозноменклатура ставшее слишком сложным для неё советское общество).

С другой стороны, это проявление нормального управленческого инстинкта: неважно, куда ведёт процесс, — им надо управлять как можно дольше. Это позволяет не просто выжить из страны максимум, но и обеспечить свою безопасность, чтобы уйти в фешенебельные страны, пусть и в последний момент, но по своему выбору и с гарантией безопасности.

Разумеется, ни один представитель правящего класса не то что не признается, но, скорее всего, и не осознаёт столь людоедскую и циничную логику своего поведения. Но без принятия подобной гипотезы поведение правящей нами тусовки становится иррациональным.

Впрочем, эта пена, поднятая четвертьвековым национальным предательством, так или иначе уйдет, а мы останемся и будем заново строить нашу страну в аду и хаосе системного кризиса.

О его неумолимом приближении “весомо, грубо, зримо” свидетельствует социально-экономическая статистика.

3. 3. “Взбесившиеся принтеры” задушили экономический рост

Правящая тусовка доигралась в “стабильность”, “поднимание с колен” в виртуозно замалчиваемую позу, сувенирную демократию, наномодернизацию и “борьбу с иностранными агентами”: несмотря на более чем комфортные мировые цены на нефть и иное сырьё, экономика “посыпалась”, не выдержав груза коррупции и некомпетентности. Сладкие стоны о “стабильности”, сменившие горячечный инновационный бред (приведший к потере денег, жизни зимой по летнему времени, запрету “лампочек Ильича”, уголовному делу по “Сколкову” и списанию “Роснано” в убытки шестой части инвестиций — 21,8 млрд руб.), перестали путать даже конченых пропагандистов.

Рост ВВП растаял: с 4,3% во втором квартале 2012 года (все показатели приведены по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, так как методики исключения сезонного фактора вызывают сомнения), 3,0% в третьем и 2,1% в четвертом квартале до 1,6% в январе и 0,1% в феврале этого года. В марте он ускорился до 2,3%, и по итогам первого квартала составил ничтожные 1,1%. Рост ВВП в 2013 году оценивается в 1,7–2,4%: этого заведомо недостаточно для пороговых 5,5%, необходимых для обеспечения социально-политической стабильности.

Промышленный спад углубился с 0,8% в январе до 2,1% в феврале. В марте промышленное производство выросло на 2,6% (и экономисты теряются в догадках о причинах этого), обеспечив выход “в ноль” по итогам первого квартала.

Инвестиционный рост сначала рухнул с 1,1% в январе до 0,3% в феврале, а в марте и вовсе перешёл в спад, составивший 0,8%.

Инфляция к середине апреля почти на треть превысила прошлогоднюю: 2,2 против 1,7%.

Сокращение экспорта, составившее в январе 1,7%, в феврале превысило 11%. В марте ситуация улучшилась (спад по итогам первого квартала составил лишь 4,6%), но положительное сальдо текущих операций всё равно упало более чем в 1,4 раза (с 39,2 до 27,9 млрд долл.), что объясняет неожиданное для многих ослабление рубля.

Чистый отток частного капитала в первом квартале замедлился, уменьшившись по сравнению с прошлогодним уровнем почти на четверть (с 33,6 до 25,8 млрд долл.), но уже многократно превысил официальный годовой прогноз (10 млрд долл.)

Внешний долг нарастает: за первый квартал он подскочил на 52 млрд долл. — больше, чем за весь 2011 год и за половину 2012 (когда он вырос соответственно на 50 и 92 млрд). После увеличения на 8,3%, до 684 млрд долл., он превысил уровень в 30% ВВП, являющийся “порогом безопасности” для подобных (поражённых коррупцией, монополизмом и “эффективным менеджментом”) экономик.

Сокращение грузоперевозок (на 1,8% в первом квартале, в том числе на 5,0% — по железным дорогам) доказывает: ухудшение конъюнктуры устойчиво и “само собой”, без осознанных усилий государства, *не пройдёт и не рассосётся*.

Какими же должны быть эти усилия в ускоряющемся сползании мира к пропасти глобальной депрессии?

Чтобы изменить ход истории, надо бить в корень: уничтожить причину, не отвлекаясь на следствия.

Причина наших бед — порочная мотивация правящей и владеющей Россией тусовки, “офшорной аристократии”, по её гениальному самоопределению, все четверть века национального предательства растаскивающей советское наследство на куски, легализуемые ею в фешенебельных странах в качестве личных богатств.

Продолжение затянувшегося “банкета” означает уничтожение страны. Единственная альтернатива — смена стратегии воровства на стратегию развития.

Под страхом смерти для тех, у кого нет личного самолёта.

И это не только не сложно, но и естественно.

В самом деле: что может быть очевидней комплексной модернизации инфраструктуры? В России, где даже на федеральных трассах возникает порой ощущение, что война ещё не кончилась? Где даже в центре задыхающей от “понтов” и денег Москвы стоят брошенные руины некогда прекрасных зданий?

Что естественнее понимания того, что без кардинального ограничения коррупции и произвола монополий деньги, выделенные на модернизацию инфраструктуры, будут украдены или уйдут в завышение цен? И помогут модернизации Швейцарии, США, Англии, Австрии, Италии и других любимых ворами и жуликами мест? Сомневающимся стоит посмотреть на их “имиджевые” стройки.

Наконец, что может быть проще понимания того, что проводить модернизацию не могут “трудолюбивые соотечественники”: дешевизна рабского труда делает нерентабельной технику даже полувековой давности.

А создание рабочих мест в России требует гарантии её гражданам хотя бы экономического выражения права на жизнь (прожиточного минимума), иначе

человеческий капитал не воспроизводится, а предпринимателям — минимальной, хотя бы уровне Евросоюза, протекционистской защиты экономики.

Лучше, конечно, проводить этот переход заранее, не дожидаясь срыва в кризис и новое Смутное время: тогда он будет мирным.

Но, в конце концов, по-настоящему нужное дело отличается именно тем, что его лучше сделать криво и поздно, чем вообще никак. А специфика государства в том, что оно делает то, за что берётся по-настоящему, как правило, довольно плохо — “на троечку”.

Но зато делает.

4. Почему оздоровление возможно

Несмотря на тяжесть описанной ситуации, автор преисполнен исторического оптимизма и глубокой веры в возможность преобразования России на основе комплексной модернизации экономики и всего общества, пусть даже после новой, мучительной и разрушительной Смуты.

Причины этого носят как внешний, так и внутренний характер.

Прежде всего, глобальный кризис будет неуклонно усугубляться, и ключевым силам современного мира будет просто не до нас. Это предоставит российскому обществу уникальные степени свободы, которых просто никогда не существовало на нашей памяти.

Весьма существенно, что при этом, в отличие от положения Советского Союза в конце его существования, никто в мире по-настоящему не заинтересован в распаде нашей страны. Если Советский Союз, пусть уже и не будучи врагом Запада на самом деле, осознавался именно в качестве главного врага, в результате чего против него до последней минуты его существования велась непримиримая война на уничтожение, то современная Россия является, пусть и в качестве колонии (или, как принято выражаться более изящно, “сырьевого придатка”), частью современного Запада.

Поэтому уничтожение нашей цивилизации для Запада контрпродуктивно, поскольку дестабилизирует его собственную систему, которая и так имеет серьёзные проблемы из-за нарастающей хаотизации мира.

Главное же состоит в том, что незначительность современной России объективно уже вывела её из глобальной “повестки дня”. Не являясь, по крайней мере, значимым врагом, мы не являемся для Запада объектом, который надо разрушить в первую очередь и любой ценой, — и это уже существенно улучшает наше положение по сравнению со временем распада Советского Союза.

Принципиально важным отличием от того времени является и самоощущение нашего общества. В конце 80-х — начале 90-х годов, когда разрушение нашей страны, по сути, уже шло полным ходом, основная часть советского общества даже теоретически не могла представить себе распад страны. Более того: значительная часть общества не могла представить себе этот распад и после того, как он фактически уже произошёл.

В настоящее время Россия, хотя бы формально, сохраняет своё территориальное единство (за исключением, да и то лишь возможно, части Северного Кавказа), однако уже много лет буквально национальным психозом нашего народа является сознание возможности территориального распада.

“Кто предупреждён — тот вооружён”: осознаваемая угроза слабее уже только потому, что она воспринимается как угроза.

Весьма существенно и то, что современное российское общество отнюдь не раздираемо внутренним конфликтом и, несмотря на все усилия господствующей клептократии, не разделено на две сопоставимые и при этом непримиримо противостоящие друг другу части, как было разделено на демократов и сторонников прежней власти позднесоветское общество.

Как было показано выше, в нашей стране уже достаточно давно сложился синтез социальных, патриотических и демократических ценностей, объединяющий подавляющую часть общества. Как только власть окончательно лишится возможности выполнять по отношению к этому большинству свои минимальные функции, российское общество будет вынуждено пробудиться к историческому творчеству.

Внутренняя ценностная однородность, изо всех сил затушевываемая правящей бюрократией, пока успешно действующей по принципу “разделяй

и властью”, обеспечит довольно высокую устойчивость России даже в условиях новой Смуты.

Активно действующей частью общества станут нынешние третий-четвертый уровни государственного и корпоративного управления, обладающие значительными управленческими навыками и собственными финансовыми, человеческими, а часто и политическими ресурсами. Они не успели награть состояний, позволяющих им попытаться уйти на пенсию в фешенебельные страны, и относительно молоды для того, чтобы быть в состоянии вообще уйти на пенсию. Это привязывает их к России значительно надежней патриотизма (хотя значительная их часть является патриотами).

Представители этого нового управленческого строя испытывают колоссальные неудобства из-за того, что вынуждены работать в системе, несовершенство и вредоносность которой они, как правило, достаточно хорошо ощущают (а то и понимают). Будучи по своей природе системными людьми, склонными к порядку и к действиям по устоявшимся правилам, они категорически не приемлют искусственного слома системы (пусть даже в своих корыстных интересах), так как боятся неизбежного в этом случае хаоса.

Однако после естественного падения, саморазрушения сложившейся системы они немедленно займутся созданием новой, соответствующей их представлениям о справедливости и эффективности, и станут, таким образом, ключевым фактором оздоровления России.

Заключение

Хватит быть побеждёнными

Как обычно в эпохи исторических бурь, для нас **приходит время прогресса, приходит время порядка.**

Главная стратегическая задача России – возрождение российской цивилизации на новой, современной основе, возвращение её на лидирующие позиции в мире.

Только так можем мы искупить чудовищный грех уничтожения своими руками своей, пусть и не идеальной, страны – Советского Союза, своего общества и самих себя как народа. Путь искупления – разумный экономический национализм, конструктивный реваншизм, **технологический социализм**, новая индустриализация и созидание инновационного общества.

Нам пора вернуться с гниющей периферии мира на его авансцену.

Решение этой задачи требует политического воплощения воли народа России – естественного носителя социальных, патриотических и демократических ценностей в их неразрывном единстве, то есть, по сути, реализации простого здравого смысла.

Однако всякая созидательная деятельность блокируется почти тотальной коррупцией верхов, ставшей главной угрозой национальной безопасности и самому существованию России.

Главный непосредственный враг нашей Родины – коррупция. Её искоренение является сегодня основной задачей всех здоровых сил российского общества.

Но при смертельной борьбе с ней, как и в последующей борьбе и в глобальной конкуренции, мы не должны забывать о том, что в бурях надвигающегося глобального кризиса **только по-настоящему гуманное общество может быть стойким и жизнеспособным.**